

9.92.

Любимов Юрий

Росси. вести. - 1992. - сент. (~ 59). - с. 4.

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ

Юрий Любимов: в театре, как в стране...

Любимов приехал на Таганку на три дня — выпустить спектакль, премьера которого уже состоялась в Греции. Режиссер заканчивал репетицию. На сцене — Алла Демидова, Елена Васильева, Юрий Смирнов... Юрий Петрович общается со своими актерами на особом языке. И в том, как они его понимают, — их родство.

И вдруг: «Ну ладно, ребята, у меня дела. Завтра в десять, да?» Его долго не отпускают.

Длинными коридорами-лабиринтами идем в кабинет главного режиссера. Следом артист Иван Бортник.

— Юрий Петрович! Так мне завтра приходить на репетицию?

— Как хотите.

— Но я нужен?

— Не знаю. Это ваше дело. Вы же вольно ведете себя в театре. Хотите — приходите, хотите — нет. Извините, я сейчас занят.

Любимов закрыл дверь своего кабинета, того самого, который, как показалось, вместил в себя всю историю этого многострадального театра. Стены с автографами самых дорогих актеров и гостей, детали декораций прославленных спектаклей, афиши.

Но рассматривать некогда. Любимов спешит. Его три дня в Москве расписаны по минутам. А спросить хотелось о многом.

— Юрий Петрович! В театре наконец — то премьера — «Электра». Эту древнейшую трагедию Софокла вы поставили для фестиваля «Миф об Электре», который прошел в Афинах в конце прошлого сезона. Московская версия отличается чем-либо от греческой?

— Нет, абсолютно ничем. Тот же спектакль с тем же исполнительским составом, кроме пластического ансамбля. Этот

спектакль — наша совместная продукция с греческой фирмой «Дворец музыки».

— Вы планируете начать новую работу в Театре на Таганке?

— Да, сегодня прочитаю артистам сценарий музыкального спектакля по роману Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Это моя совместная работа с Альфредом Шнитке, которого я давно знаю и очень высоко ценю как композитора. Таких музыкантов, как Шнитке, очень мало в мире. А в этой стране ценить людей не умеют.

— Вы и сегодня так считаете?

— А вы считаете, все сразу изменилось? После семидесятилетнего растрепания сознания людей, затемнения рассудка, беспрерывной лжи...

— Вы все еще в обиде на «эту страну»?

— Обида мешает дело делать. Я ведь не счеты свою. У меня просто есть память, как у всех людей. А фашистские режимы память уничтожают. У целой нации уничтожили память при коммунистическом режиме. А я помню, что моего деда, крепостного мужика, в 80 лет в снег выбросили, отца держали в тюрьмах. И все двадцать лет, что я руководил этим театром, со мной безобразничали — прорабатывали, оскорбляли, унижали, запрещали и, наконец, вообще лишили гражданства.

В «Известиях» есть на меня досье. Там множество «секретных» документов собрано. Все Политбюро когда-то занималось моей персоной. Делать им было нечего!

— Но Политбюро уже давно нет...

— Да, я приехал при режиме господина Горбачева, и я заявил, что, пока эта фашистская партия правит, моей ноги здесь не будет. И снова уехал на полтора года.

Разогнали эту поганую партию (и то не до конца) — и слава Богу!

— Давайте оставим политику и вернемся

к вашей творческой деятельности. «Доктор Живаго» — это что, опера?

— Нет. Это будет музыкальный спектакль. Но мы не собираемся делать бродвейский мюзикл. В спектакль включены поэзия Пастернака и куски его романа. Музыкальные дуэты, трио, квартеты, пластические номера. Для меня важны размышления Пастернака, его мироощущение. Я написал либретто, которое прочитал сыну Бориса Леонидовича. Ему понравилось. Затем прочитал Шнитке. И мы стали работать. Это будет совместная работа с немцами. Они помогают финансово и организационно (продюсер Томас Пэц). У Театра на Таганке нет денег на постановку, нет тканей — не из чего шить костюмы.

— А в России нет людей, которые хотели бы помочь театру?

— Не знаю. Я их не искал. Мне некогда.

— Вы собирались приватизировать театр?

— Так ведь есть Указ Президента, запрещающий приватизацию учреждений культуры. Я же не буду полемизировать с Президентом. Это у людей искусства есть закон, что театр принадлежит тому, кто его создал. Но на деле это не так. Потом вы же знаете, что часть театра не хочет... И я бы не стал комментировать эту грязную ситуацию. Я хочу работать.

— На каких условиях вы сейчас работаете в театре?

— Я подписал контракт до конца 1993 года. В контракт входила «Электра». Я ее сделал. В контракт входил «Подросток» по Достоевскому — я делаю. Привлек к работе студентов курса, набранного мной два года назад в Щукинском училище.

— Это та же постановка, что сделана вами в Хельсинки?

— Нет. Тот спектакль я делал с финскими актерами в Национальном театре. Он уже

год шел.

— Вы находите время для занятий со своими студентами?

— К сожалению, занимаюсь очень мало. Так как моя семья живет не в этой стране. У моего сына родной язык не русский и не венгерский (у меня жена венгерка), а английский. А здесь, в Москве, нет хорошего английского лица.

— Сейчас вы — руководитель Театра на Таганке. После весенних событий, связанных с «избиением» бывшего министра культуры СССР, бывшего руководителя театра, народного артиста Николая Губенко, пресса надолго замолчала о ситуации на Таганке. Потом стало известно о расколе труппы, о позиции, которую заняли некоторые артисты, в том числе Леонид Филатов...

— Что касается Губенко, он не работал в театре, когда был министром. Когда мы ездили работать в Израиль, он опоздал. Поехал ГДР поднимать. Биография — то его ясно. Что говорить? И вообще, я не хочу этого вопроса касаться. Кто им мешает работать? Когда кто-то из них заявил: «Мы будем Таганка-2, то не я, а люди, которые ведают департаментом культуры, им сказали: «Нет, Таганка была и останется одна». Пусть они доказывают свои права искусством. Им никто не мешает. Пусть работают.

— А вы заключили контракт со всеми актерами вашего театра?

— В моем контракте написано, что я могу заключать контракт с теми, с кем захочу работать. А выясняется, что это — незаконно. Я не могу кому-то сказать «нет». На меня подадут в суд, будут ходить, кричать...

— А с вами кто заключал контракт?

— Сначала мэр Москвы Гавриил Попов. Написал мне письмо, пригласил побеседовать о новой форме отношений. И тогда

я предложил свой план работы.

— Вы несколько раз говорили в интервью о том, что часть вашей труппы, «старики Таганки», — уже отработанный материал, и вам бы не хотелось устраивать из театра богадельню...

— Нет, это не совсем так. Есть в любой профессии, тем более в актерской, определенный возраст, с которым надо считаться.

— Но мы же говорим не о балете...

— В драматическом театре происходит то же самое.

— Значит, ваша дальнейшая творческая программа и спектакли — только для молодых?

— Парадокс — то в том, что я за все годы никого не уволил из театра.

— Но если вы не планируете часть артистов занимать в своих спектаклях, то это практически можно расценивать как увольнение...

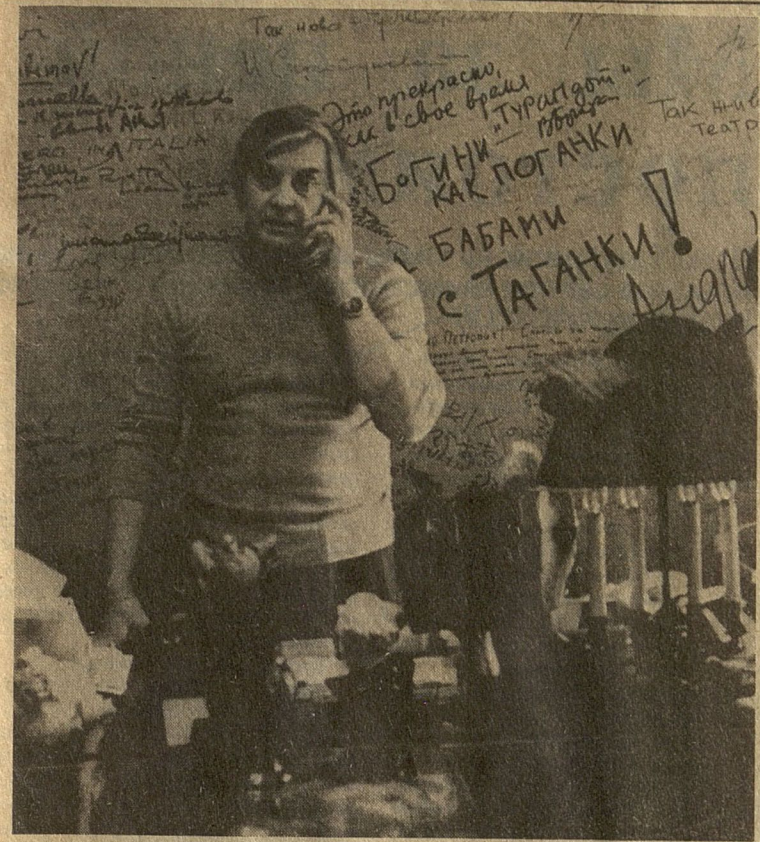
— Они же сами отделились, сказав, что хотят организовать свое дело. Я сказал — пожалуйста. Вот вы с ними и говорите — с Губенко, с Филатовым... Я с ними не хочу говорить.

— Получается парадоксальная ситуация — люди, которые так боролись за ваше возвращение в театр...

— Вот вы опять меня вовлекаете в разговор, которого я не хочу. Как повел себя Губенко — Бог ему судья.

— Юрий Петрович! Вы долгие годы были хозяином Театра на Таганке, ставили в нем спектакль за спектаклем. Сейчас в основном работаете по контрактам в различных странах мира. Какой вид работы вам ближе?

— Все в этом мире относительно. Сейчас театр расколот. Это театр с удивительной судьбой — все, что творится в стране, то

творится в этом театре.

— Вы считаете, что театр в России переживает кризис?

— Может быть. Хотя это всегда говорят, что театр переживает кризис. Но сейчас все занято не работой, а выживанием.

* * *

Премьера «Электры» состоялась 13 сентября. Как всякая любимовская премьера, она сопровождалась сначала вопросами о лишнии билетиках, потом овациями. Зри-

телям еще предстоит увидеть новую работу Мастера, критикам — сказать свое слово.

После спектакля зашла поздравить Юрия Петровича с премьерой. — Когда вы снова будете в Москве?

— Нескоро. В начале декабря. Присутствую к постановке «Доктора Живаго». Премьера спектакля состоится в Вене.

Беседу вела
Ирина ГОРЮНОВА.